АНТИЧНАЯ ЛЕНОРА

ОЧЕРКЪ.

I.

Скоро исполнится сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда на страницахъ „Вѣстника Европы“ появилась русская баллада, впервые познакомившая русскую публику съ романтическимъ мотивомъ Бюргеровской невѣсты смерти, Леноры—знаменитая въ свое время „Людмила“ Жуковскаго (1808). Какъ извѣстно, этимъ починомъ поэта-романтика и русская интеллигенція была пріобщена къ тому спору за народническій романтизмъ, который загорѣлся много раньше въ Германіи по поводу оригинальной баллады-знаменосицы Бюргера. Съ тѣхъ поръ много воды утекло: романтизмъ отшумѣлъ, но народничество осталось, и именно у насъ, въ Россіи, оно наиболѣе окрѣпло и дало міру свои самыя могучія и прекрасныя произведенія. Безспорно, много жемчужинъ вынесло оно на поверхность изъ глубины народнаго сознанія, но и много ила и тины; часто горькое разочарованіе постигало тѣхъ энтузіастовъ, которые смѣло бросались въ пучину народнаго моря, надѣясь найти на его днѣ прочные и вѣчные устои тѣхъ коралловыхъ острововъ добра и красоты, которые такъ заманчиво разнообразятъ его поверхность. И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увеличивается у насъ число тѣхъ, чье „злобою сердце питаться устало“; чѣмъ далѣе, тѣмъ напряженнѣе прислушиваются они къ новымъ голосамъ, раздающимся опять-таки

съ Запада, и къ нарождающейся новой пѣснѣ, которой только наши потомки сумѣютъ дать имя.

Но пока народническій романтизмъ переживалъ фазисы своей естественной эволюціи въ литературѣ, его значеніе въ наукѣ, какъ важнаго культурно-историческаго фактора, оставалось непоколебимымъ: „мотивъ Леноры"—понынѣ одна изъ любимѣйшихъ темъ для фольклористовъ и историковъ литературы, причемъ первые собираютъ варіанты этого мотива въ народной поэзіи всѣхъ временъ и странъ, а вторые изучаютъ движеніе, вызванное въ европейской литературѣ балладой Бюргера. И та, и другая тема оказалась очень благодарной, и „литература о Ленорѣ" росла съ каждымъ десятилѣтіемъ; спеціально русская наука обладаетъ старательнымъ руководствомъ въ этой области въ трудѣ проф. Созоновича, подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію" (Варшава, 1898).

Былъ ли „мотивъ Леноры" созданъ народной поэзіей новой Европы, или же перешелъ онъ къ ней отъ народовъ древности, т.-е., черезъ посредство Рима, отъ Греціи? Вопросъ этотъ, разумѣется, независимъ отъ вопроса о томъ, имѣлся ли у древнихъ нашъ мотивъ: объ этомъ послѣднемъ и спорить нечего, такъ какъ факты на лицо и они достаточно извѣстны изслѣдователямъ. Нѣтъ; но можно, признавая наличность этихъ фактовъ, тѣмъ не менѣе отрицать прямую преемственность между античной и романтической Ленорой. Я долженъ, однако, замѣтить, что проф. Созоновичъ, говоря на стран. 99—104 своего труда объ античныхъ сказаніяхъ, родственныхъ сказаніямъ о Ленорѣ, склоненъ признать эту преемственность; я полагаю, что онъ правъ, и надѣюсь, что настоящій очеркъ еще болѣе подтвердитъ вѣроятность этого мнѣнія. Все же не въ этомъ состоитъ его главная задача: составляя его, я хотѣлъ, прежде всего, представить въ болѣе полныхъ и наглядныхъ чертахъ, чѣмъ это дѣлалось доселѣ, исторію развитія античной Леноры, а затѣмъ—предложить читателю возможно удобочитаемый стихотворный переводъ единственнаго поэтическаго памятника, который намъ сохранился изъ древности по интересующему насъ мотиву — баллады-посланія Овидія о Лаодаміи.

II.

При всемъ томъ мы, чтобы отнестись сознательно къ историко-литературному значенію античной родоначальницы романтической Леноры, должны взять за точку исхода эту послѣднюю,

и я прошу позволенія напомнить читателю вкратцѣ содержаніе Бюргеровской баллады—ея точный переводъ Жуковскій, какъ извѣстно, далъ русской публикѣ черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ своего вольнаго подражанія въ „Людмилѣ“ („Ленора“, баллада изъ Бюргера, 1831—Стихотворенія подъ ред. Ефремова, 9-е изд., т. II, стр. 468 и сл.).

Встревоженная страшными сновидѣніями, молодая Ленора ждетъ съ душевнымъ трепетомъ возвращенія своего жениха, отправившагося съ войскомъ Фридриха въ силезійскую войну. Ея предчувствія оправдываются: среди возвращающихся воиновъ ея милаго нѣтъ. Тогда она проклинаетъ и свою жизнь, и Бога, и святыя тайны, и надежду на вѣчное блаженство; тщетно ея мать старается ее успокоить,—въ отчаянныхъ воплях и жалобахъ проходитъ весь день, наступаетъ ночь. Слышится топотъ коня, дверь отворяется: въ вошедшемъ она узнаетъ жениха. Тотъ ее торопитъ въ путь, на новоселье, устраняя ея сомнѣнія зловѣще-двусмысленными успокоеніями. Не долго думая, она садится на его коня; они ѣдутъ. „Мѣсяцъ свѣтитъ намъ, гладка дорога мертвецамъ“. Поля и луга, села и рощи летятъ мимо нихъ; чѣмъ дальше, тѣмъ страшнѣе: вотъ погребальное шествіе, вотъ рой привидѣній у висѣлицы. Наконецъ, они прискакали: кругомъ могилы, сама она въ объятіяхъ мертвеца, и духи поютъ ей предсмертную пѣснь: „Терпи, терпи, хоть ноетъ грудь, Творцу въ бѣдахъ покорна будь!“

Эти послѣднія слова особенно ярко оттѣняютъ нравоучительный характеръ баллады, который, впрочемъ, и безъ нихъ очевиденъ. Свиданіе съ милымъ понимается не какъ награда Ленорѣ за ея любовь и вѣрность, а какъ кара. Радость совершенно отсутствуетъ; не успѣла невѣста, при появленіи жениха, стряхнуть бремя долгаго горя, какъ его странное требованіе отъѣзда въ ненастную ночь ввергаетъ ее въ новую тревогу. Описаніе страшной ночной скачки съ мертвецомъ занимаетъ въ балладѣ преобладающее положеніе; рядомъ съ этимъ впечатлѣніемъ меркнутъ всѣ остальныя.

Повторяю, участь Леноры представлена сплошнымъ ужасомъ, представлена карой; а причину кары благочестивый поэтъ-христіанинъ усмотрѣлъ въ богохульственномъ отчаяніи, которымъ она отвѣтила на ниспосланное ей Господомъ испытаніе.

Конечно, религіозная мотивировка кары остается собственностью поэта; въ народной легендѣ мотивировка могла быть иная или отсутствовать совсѣмъ. Зато одно несомнѣнно: вездѣ тамъ, гдѣ ночная скачка съ мертвецомъ стоитъ въ центрѣ бал-

лады, представленіе о свиданіи какъ о карѣ напрашивается само собою, и представленіе о немъ какъ о наградѣ исключается. Съ этой точки зрѣнія прямой противоположностью къ Бюргеровской Ленорѣ и ея народнымъ первообразамъ является другая, тоже народная, обработка мотива; она записана въ нѣсколькихъ варіантахъ въ разныхъ областяхъ Германіи (одинъ изъ этихъ варіантовъ, нѣмецко-моравскій, приведенъ проф. Созоновичемъ, стр. 138). Въ виду ея важности для нашего вопроса я позволю себѣ привести ее въ переводѣ, синтетически примиряющемъ отдѣльные варіанты; оговариваюсь, что мой переводъ точно приноровленъ къ напѣву, но не къ размѣру нѣмецкой народной пѣсни:

Тихо другъ бредетъ къ подругѣ
И въ окно стучится къ ней:
„—Дома ль ты, моя зазноба?
Встань, впусти меня скорѣй!"

„—Нѣтъ съ тобой для насъ бесѣды,
Не могу тебя впустить:
Я давно люблю другого,
За тобою мнѣ не быть".

„—Тотъ, кого давно ты любишь,
Милый другъ мой, это я;
Ручку дай; меня узнаетъ
Ручка бѣлая твоя".

„—Отъ тебя землею пахнетъ,
Самъ ты смерти холоднѣй".
„—Какъ не пахнуть мнѣ землею?
Восемь лѣтъ лежу я въ ней!"

Разбуди отца родного,
Разбуди родную ты:
Данъ вѣнокъ тебѣ зеленый
До небесной высоты"!

Первый благовѣстъ раздался—
Помертвѣлъ невѣсты ликъ;
Благовѣстъ второй раздался—
Смертный хладъ ее проникъ;

Третій благовѣстъ раздался—
Испустила духъ она;
Такъ-то ночь двоихъ влюбленныхъ
Упокоила одна.

Въ ночь одну для двухъ влюбленныхъ
Вѣчной жизни часъ насталъ;
Самъ Господь съ небесной выси
Другъ ихъ съ другомъ обвѣнчалъ.

Нельзя сказать, чтобы страхъ вовсе отсутствовалъ въ этой обработкѣ: онъ ясно слышится въ четвертой строфѣ. Но дальше ея онъ не проникаетъ; затѣмъ идетъ описаніе свиданія влюбленныхъ и медленнаго счастливаго умиранія невѣсты въ объятіяхъ жениха подъ торжественный звонъ утренняго благовѣста, которымъ самъ Богъ какъ бы освящаетъ ихъ бракъ. О ночной скачкѣ не только не говорится—она прямо исключается всей обстановкой разсказа. Итакъ, мотивъ кары отсутствуетъ; его замѣняетъ мотивъ награды, звучащій особенно сильно въ послѣднихъ словахъ жениха съ ихъ красивой загадочностью: „данъ вѣнокъ тебѣ зеленый до небесной высоты“ (Grün Kränzlein sollst du tragen—Bis in den Himmel' nein). Награды—за что? И въ этомъ пѣсня не оставляетъ никакого сомнѣнія: за вѣрность, съ которой невѣста хранила свою любовь для жениха за все время его долгаго отсутствія, вѣрность, о которой свидѣтельствуетъ ея отказъ вступить даже въ бесѣду съ чужимъ человѣкомъ въ ночное время. Именно ею она заслужила зеленый вѣнокъ.

Я ограничиваюсь этими двумя обработками, такъ какъ онѣ знаменуютъ собою оба полюса въ нравственной оцѣнкѣ мотива Леноры. А теперь переходимъ къ ея античной родоначальницѣ—Лаодаміи.

III.

Упоминается она впервые — хотя и безыменно — въ томъ мѣстѣ Иліады, гдѣ перечисляются по городамъ дружины ахейцевъ, выступившія въ походъ противъ Трои. Среди прочихъ называются и жители нѣкоторыхъ ѳессалійскихъ городовъ, между прочимъ и Филаки (II, 698).

Всѣхъ ихъ при жизни своей велъ въ поле питомецъ Ареса
Протесилай; но тогда онъ въ землѣ ужъ покоился черной.
Тамъ онъ, въ Филакѣ, жену неутѣшной вдовою оставилъ
И полуконченный домъ; уложилъ же дарданецъ героя
Въ мигъ, когда первымъ изъ всѣхъ съ корабля соскочилъ онъ на берегъ.

И только. Зналъ ли Протесилай, что, соскакивая первымъ на берегъ, онъ обрекалъ себя смерти? Это, собственно, не сказано; но понятно, что еслибы позднѣйшій поэтъ позанялся спеціально его участью, то такое предположеніе было бы для него очень заманчиво. Простая случайность превратилась бы въ обдуманный планъ, несчастье—въ самоотверженіе. Такое развитіе, повторяю, было бы вполнѣ естественно. Но зато для вдовы Протесилая краткое упоминаніе Иліады никакихъ зачатковъ дальнѣйшаго

развитія не заключало; ея неутѣшная скорбь—общій удѣлъ всѣхъ вдовъ.

Но мы давно отказались отъ мысли видѣть въ Гомерѣ первичную ячейку всей греческой миѳологіи; были мѣстныя традиціи, память о которыхъ поддерживалась мѣстными культами. Будучи значительно древнѣе Гомера, онѣ, тѣмъ не менѣе, могли значительно позже его попасть въ литературу. Въ литературу—т.-е., прежде всего, въ послѣ-гомеровскій эпосъ. Дѣйствительно, тотъ эпосъ, въ которомъ были описаны первыя событія троянской войны—такъ называемыя „Кипріи",—долженъ былъ поневолѣ заняться и подвигомъ Протесилая. Но мы объ этомъ знаемъ очень мало. Знаемъ, что въ немъ самоотверженный герой палъ отъ руки Гектора; очевидно, авторъ хотѣлъ почтить Протесилая, давая ему въ противники лучшаго троянскаго героя, но онъ этимъ противорѣчилъ Гомеру, который строго отличалъ дарданцевъ отъ троянцевъ, съ Гекторомъ во главѣ. Знаемъ, далѣе, что здѣсь жена Протесилая была названа „Полидорой", но былъ ли къ ней пріуроченъ „мотивъ Леноры"—неизвѣстно. Скорѣе—нѣтъ: этотъ мотивъ неразрывно связанъ съ именемъ Лаодаміи.

Итакъ, гдѣ впервые встрѣчается Лаодамія? Для насъ—въ трагедіи Эврипида, подъ заглавіемъ „Протесилай", но именно только для насъ. Хотя эта трагедія и потеряна, но ея фабула можетъ быть до нѣкоторой степени возстановлена по литературнымъ и археологическимъ свидѣтельствамъ; и вотъ тутъ-то оказывается, что Эврипидъ, ради разнообразія дѣйствія, соединилъ два параллельныхъ мотива, которые раньше существовали отдѣльно. Существовали; но гдѣ? Промежуточное мѣсто между эпосомъ и трагедіей занимала лирика; и дѣйствительно, мы увидимъ, что ей придется поставить въ счетъ если не оба параллельныхъ мотива, то, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ.

Но что̀ же это за параллельные мотивы? Они извѣстны намъ изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ я—ради ясности—возьму самое позднее, византійскаго грамматика Цециса (Хиліады II, 52). Конечно, Цецисъ въ оригинальные источники не заглядывалъ; но такъ какъ александрійская и римская ученость, изъ которыхъ онъ черпалъ свою эрудицію, намъ не сохранена, то приходится поневолѣ имъ пользоваться. Итакъ, вотъ его свидѣтельство; переведемъ откровенной прозой его прозаическую поэзію: „Этотъ Протесилай былъ сыномъ Ификла. Оставивъ свою молодую жену Лаодамію, онъ вмѣстѣ съ прочими эллинами отправился въ походъ противъ троянцевъ и, первымъ соскочивъ на берегъ, первымъ изо всѣхъ былъ убитъ. А затѣмъ миѳографы

говорятъ, что Персефона, увидѣвъ его красоту и его скорбь о разлукѣ съ Лаодаміей, упросила Плутона вернуть ему жизнь и отправила его изъ обители Аида къ женѣ. Такъ говорятъ миѳы; правдивая же исторія разсказывается вотъ какъ. Когда вышеназванная супруга Протесилая узнала о случившемся съ мужемъ несчастіи, а именно объ его смерти, она изготовила себѣ деревянное подобіе Протесилая, и изъ тоски по супругу ложилась спать съ нимъ, не будучи въ состояніи вынести его отсутствіе. А другіе тогда стали говорить, что ночью его призракъ всегда является его женѣ; такъ-то и было сочинено то сказаніе".

Здѣсь дѣло ясно: мы имѣемъ, повторяю, два параллельныхъ мотива. Согласно первому, убитый Протесилай, съ соизволенія подземныхъ боговъ, возвращается къ нѣжно любимой женѣ; это и есть то, что̀ мы называемъ „мотивомъ Леноры". Согласно второму, Лаодамія, по смерти мужа, изготовляетъ его изваяніе, съ которымъ и ночуетъ, точно съ живымъ человѣкомъ. Это подсмотрѣли, и люди, не зная, въ чемъ дѣло, пустили въ ходъ басню, что ее по ночамъ навѣщаетъ призракъ ея мужа. Что̀ это такое? Въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ: раціоналистическая обработка мотива Леноры. Ея авторъ плохо вѣрилъ въ чудеса, но относился довѣрчиво къ миѳологической традиціи; тамъ, гдѣ она была непріемлема, онъ старался объяснить ее путемъ недоразумѣнія: „дѣло обстояло слѣдующимъ естественнымъ образомъ; но люди, по ошибкѣ и невѣжеству, пустили въ ходъ слѣдующую басню, которая и удержалась". Повторяю: „мотивъ статуи"—мотивъ искусственный, книжный; но онъ имѣетъ своимъ основаніемъ „мотивъ призрака", т.-е. мотивъ Леноры, являясь его раціоналистическимъ толкованіемъ.

Можно ли приписать этотъ книжный мотивъ, это толкованіе народнаго миѳа индивидуальной фикціей,—эпохѣ, которая насъ здѣсь интересуетъ, эпохѣ греческой лирики, около 500 г. до Р. Х.? Я думаю, вполнѣ; но пусть читатель посудитъ самъ. Пиндаръ въ первой олимпійской одѣ предлагалъ новую форму преданія о Пелопѣ: „сынъ Тантала, — говоритъ онъ, — о тебѣ я скажу иначе, чѣмъ мои предшественники". Тѣ давали старую, грубую, каннибалистическую версію, согласно которой Танталъ, чтобы испытать боговъ, пригласилъ ихъ на пиръ и угостилъ мясомъ собственнаго сына Пелопа; но Пиндару противна мысль о такомъ „обжорствѣ боговъ". Нѣтъ, дѣло произошло вотъ какъ. Пиръ, дѣйствительно, состоялся; на немъ Посидонъ, плѣнившись красотой отрока-Пелопа, похитилъ его. „А когда ты исчезъ, тогда кто-то изъ завистливыхъ сосѣдей распустилъ молву,

что ты былъ съѣденъ богами". Это—не единственный примѣръ; но мы удовольствуемся имъ.

Да, рефлексія дала знать о себѣ въ лирическую эпоху греческой миѳологіи; мы ей смѣло можемъ приписать и „мотивъ статуи", придуманный для объясненія „мотива призрака". Мало того: мы должны это сдѣлать, такъ какъ трагедія Эврипида—мы это увидимъ тотчасъ — предполагаетъ оба мотива не только существующими, но и достаточно вкоренившимися въ народномъ сознаніи. Но объ этомъ будетъ сказано тотчасъ; теперь же остановлю вниманіе читателей на самой идеѣ параллелизаціи призрака и статуи. Она у грековъ была тѣмъ болѣе естественна, что у нихъ одно и то же слово (eidôlon) означало и то, и другое; но я могу подтвердить ее интереснымъ, незамѣченнымъ до сихъ поръ примѣромъ. Спасая честь Елены, лирическій поэтъ Стесихоръ допускаетъ идею, что не она сама, а ея призракъ былъ увезенъ Парисомъ въ Трою. Послѣдователемъ Стесихора былъ Эсхилъ. Идея предшественника была для него данной, съ которой слѣдовало считаться; съ другой стороны онъ, не чувствуя надобности спасать честь Елены, держался исконной традиціи, согласно которой она сама дала себя увезти троянскому похитителю. А если такъ, то, значитъ, ея призракъ остался у Менелая. Съ этимъ онъ считается; но, находя эту идею въ этой формѣ непріемлемой, онъ толкуетъ ее по своему—и притомъ точь-въ-точь такъ же, какъ и тотъ нашъ анонимъ идею о призракѣ Протесилая. Менелай искалъ утѣшенія въ созерцаніи статуи Елены, но тщетно: „ненавистна мужу ласка прекраснаго изваянія: въ его пустыхъ глазахъ нѣтъ мѣста Афродитѣ" („Агамемнонъ", ст. 416). Но и это будетъ превратно понято, „и люди скажутъ, что ея призракъ властвуетъ въ домѣ". Сходство полное: статуя замѣняетъ призракъ. И дальше, и дальше тянется параллелизація: она переходитъ къ народамъ новой Европы, и, много столѣтій спустя, статуя—этотъ разъ уже самого новаго Менелая — вернется съ кладбища въ опозоренный домъ, чтобы увлечь съ собой въ царство мертвыхъ дерзновеннаго обольстителя его молодой жены.

IV.

Возвращаемся къ нашимъ параллельнымъ мотивамъ: отъ вниманія читателя не ускользнуло, что въ нихъ пока нѣтъ развязки. По одному—самъ Протесилай изъ преисподней возвращается къ

женѣ; по другому—она нѣжится съ его изваяніемъ. Прекрасно; но какова же, въ концѣ концовъ, ея участь? Цецисъ намъ на этотъ вопросъ отвѣта не даетъ: онъ придумываетъ — какъ онъ заявляетъ самъ—свою собственную развязку, которая именно поэтому для насъ неинтересна. Просмотрѣвъ, однако, внимательно прочіе разрозненные отрывки миѳографической традиціи, мы находимъ искомую развязку, или, вѣрнѣе, двѣ, по одной для каждаго мотива—а это, въ свою очередь, доказываетъ ихъ первоначальную самостоятельность.

Развязку перваго мотива даетъ намъ древній комментаторъ Виргилія, Сервій; комментируя то мѣсто своего автора, гдѣ тотъ, въ числѣ прочихъ тѣней преисподней, упоминаетъ и Лаодамію („Энеида", II, 447), онъ поясняетъ: „Лаодамія была женой Протесилая; получивъ извѣстіе, что ея мужъ погибъ первымъ въ троянской войнѣ, она возымѣла желаніе увидѣть его призракъ; когда ей это было дозволено, она уже не могла оторваться отъ него и погибла въ его объятіяхъ". Стоитъ сравнить этотъ краткій разсказъ съ той народной пѣсенкой, переводъ которой я помѣстилъ выше (гл. II). Сходство прямо поразительное: то же блаженное умираніе въ объятіяхъ милаго, явившагося на кратковременное свиданіе изъ могилы. Здѣсь все понятно: царство умершихъ прочно держитъ того, кто разъ въ него вступилъ, и если даетъ ему отпускъ, то не надолго: съ исчезновеніемъ ночного мрака — „при звукѣ утренняго благовѣста", какъ сказалъ бы поэтъ-христіанинъ,—долженъ исчезнуть и тотъ, кто отнынѣ принадлежитъ ночи. Но эта вторая разлука еще тяжелѣе первой; ее влюбленная уже не можетъ пережить. Таковъ нашъ мотивъ, общій разсказу Сервія и нѣмецкой народной пѣсенкѣ; какъ объяснить это сходство? Хотѣлось бы думать, что и въ древности существовала такая пѣсня о Лаодаміи, что она, перейдя въ средніе вѣка, вызвала появленіе той нѣмецкой... А впрочемъ, нужна ли тутъ пѣсня? Виргилій былъ самымъ популярнымъ и любимымъ поэтомъ средневѣковья, а вмѣстѣ съ нимъ жилъ и его толкователь Сервій; то мѣсто, гдѣ упоминается Лаодамія, стоитъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ эпизодовъ всей „Энеиды"—свиданіемъ Энея съ Дидоной въ царствѣ тѣней. Нѣтъ сомнѣнія, что молодые „схолары", насущнымъ хлѣбомъ которыхъ былъ Виргилій, знали это мѣсто особенно хорошо, а эти схолары были, въ свою очередь, создателями средневѣковой поэзіи западной Европы. Я думаю, если вообще признать прямую зависимость новѣйшей Леноры отъ античной, то предположенный нами здѣсь переходъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ.

Еще одна частность. По свидѣтельству Сервія, тоска Лаодаміи заставляетъ боговъ преисподней отпустить къ ней ея мужа; по вышеприведенному свидѣтельству Цециса, напротивъ, починъ принадлежитъ Протесилаю—эту сцену, просьбу Протесилая и заступничество Персефоны, изображаетъ Лукіанъ въ одной изъ своихъ знаменитыхъ „бесѣдъ мертвыхъ" (23). Понятно, что по этому побочному вопросу прочной традиціи быть не могло; была и примирительная версія, согласно которой совпаденіе желаній обѣихъ сторонъ склонило Плутона дать Протесилаю отпускъ.

Переходимъ, однако, отъ „мотива призрака" ко второму варіанту, къ „мотиву статуи". Узнавъ о смерти Протесилая—или, по другимъ, тотчасъ по его отправленіи подъ Трою—Лаодамія изготовляетъ его деревянное (или восковое) изображеніе и проводитъ съ нимъ ночи, точно съ живымъ. Развязка пока не предвидится: статуя не связана, подобно призраку, кратковременностью отпуска. Чтобы сдѣлать развязку возможной, нужно предположить, что кто-нибудь отнялъ у Лаодаміи то, что̀ составляло ея единственное утѣшеніе; но кто могъ это сдѣлать? Отвѣтъ одинъ: тотъ, въ чьей власти она была послѣ ухода и смерти мужа, ея отецъ Акастъ. Но чѣмъ объяснить эту жестокость Акаста? Отвѣтить можно было различно. При скудости фантазіи, ее можно было мотивировать просто желаніемъ стараго царя, чтобы его дочь не убивалась понапрасну; такова традиція, сохраненная намъ въ краткомъ пересказѣ миѳографа Гигина (гл. 104): „Лаодамія, потерявъ мужа, велѣла изготовить восковое изображеніе его, поставила его, точно святой кумиръ, въ своей спальнѣ и стала ему воздавать почести. Однажды служитель, въ утреннее время, принося ей плоды для жертвоприношенія, заглянулъ въ щель и увидѣлъ, что она держитъ въ объятіяхъ статую Протесилая и цѣлуетъ ее. Вообразивъ, что у нея любовникъ, онъ разсказалъ увидѣнное ея отцу Акасту. Тотъ пришелъ, внезапно отворилъ дверь спальни и узналъ статую Протесилая. Не желая, чтобы его дочь долѣе мучилась, онъ приказалъ воздвигнуть костеръ и сжечь на немъ и статую, и священную утварь; тогда Лаодамія, не будучи въ состояніи вынести горе, сама бросилась въ огонь и погибла".

Это, повторяю, при скудости фантазіи; при нѣсколько большей ея плодовитости и мотивировка могла быть найдена болѣе богатая и убѣдительная. Отчего не хочетъ Акастъ, чтобы его дочь отдавалась воспоминаніямъ о своей прежней любви? Оттого, что у него насчетъ ея особые планы. Дѣтей у Лаодаміи не было; она ничѣмъ не была привязана къ дому и семьѣ своего покой-

наго мужа. Если даже Пенелопу, мать почти взрослаго Телемаха, ея отецъ Икарій, отчаявшись въ возвращеніи Одиссея, торопилъ въ новый бракъ, то это тѣмъ болѣе простительно для отца совсѣмъ молоденькой Лаодаміи. Итакъ, его дочь, юная вдова, опять невѣста: женихъ найденъ, день свадьбы назначенъ. Но Лаодамія упорно отказывается промѣнять покойнаго на живого. Откуда такая настойчивость? Служитель сообщаетъ ему свое открытіе: Лаодамію по ночамъ навѣщаетъ любовникъ. Теперь все ясно: разгнѣванный отецъ вламывается въ теремъ мнимой грѣшницы—и находитъ въ ея объятіяхъ статую. Она оправдана; но вмѣстѣ съ тѣмъ найденъ и предметъ, приковывающій ее къ памяти Протесилая; теперь развязка Гигина понятна.

Кто былъ авторомъ этого мотива новаго брака, столь эффектно обогатившаго мотивъ статуи? Отвѣта на этотъ вопросъ мы дать не можемъ; самый мотивъ мы находимъ тамъ и сямъ въ позднѣйшей миѳографической традиціи, и я думаю, что его происхожденіе естественнѣе всего объяснить такъ, какъ это сдѣлано здѣсь. А теперь пора перейти къ тому, у кого сюжетъ античной Леноры получилъ свою классическую обработку—къ *Эврипиду* и его „Протесилаю“.

V.

Поставимъ, однако, еще одинъ вопросъ—тотъ самый, который мы поставили выше по поводу новѣйшей Леноры. Слѣдуетъ ли видѣть въ ея развязкѣ награду или кару? И если послѣднее, то за что?

Относительно „мотива призрака“ отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ: умершаго Протесилая отпускаютъ изъ преисподней для того, чтобы утѣшить вѣрную вдову — здѣсь идея награды подчеркнута даже еще сильнѣе, чѣмъ въ новѣйшей народной пѣсенкѣ. Другое дѣло—мотивъ статуи; божьей милости нѣтъ никакой, и если собрать воедино всѣ черты варіанта — безвременную смерть молодого мужа, скорбь вдовы, жалкое утѣшеніе, которое она находитъ въ своей любви къ статуѣ, ея гибель— то героиня представится несомнѣнно несчастной и, стало быть, наказанной. Кѣмъ и за что? Что касается перваго вопроса, то если кому угодно было видѣть въ привязанности героини къ статуѣ извращеніе половой чувственности, подъ вліяніемъ утраты прямого предмета любви, то онъ виновницей кары долженъ былъ признать Афродиту. Что же касается второго вопроса, то

мы прямого отвѣта дать не можемъ, но у древнихъ поэтовъ имѣлось въ такихъ случаяхъ нѣсколько трафаретное объясненіе: герой наказанъ за то, что не воздалъ божеству при такомъ-то случаѣ такой-то почести. Возможно, что оно было пущено въ ходъ и здѣсь.

Какъ бы то ни было, вотъ содержаніе трагедіи Эврипида, насколько его можно возстановить на основаніи отрывковъ и всей позднѣйшей традиціи.

Въ прологѣ выступаетъ, какъ это часто бываетъ у нашего поэта, божество—а именно Афродита. Она разгнѣвана на Лаодамію; жертвой ея гнѣва палъ—быть можетъ, отъ руки ея сына Энея—молодой мужъ виновной, разставшійся съ нею въ первый же день послѣ брачной ночи. Теперь царь Акастъ готовитъ для нея новую свадьбу, но ей не бывать: она внушила невѣстѣ-вдовѣ неестественную любовь, которая будетъ причиной ея гибели.

Сходятся филакійскія жены, подруги Лаодаміи (это—хоръ трагедіи); онѣ хотятъ уговорить ее, въ виду предстоящей свадьбы, отказаться отъ траура и надѣть приличествующій случаю нарядъ. Лаодамія выходитъ къ нимъ; къ ихъ утѣшеніямъ и совѣтамъ она нѣма; видно, что ея мысли гдѣ-то далеко и всего менѣе со своимъ новымъ женихомъ. Иногда странная, загадочная улыбка скользитъ по ея устамъ; съ нетерпѣніемъ ждетъ она наступленія ночи. Подругамъ она говоритъ, что хочетъ очиститься вакхическими обрядами, которые должны быть недоступны непосвященнымъ; удаляясь, она проситъ ихъ спѣть вакхическую пѣсню въ честь бога, что̀ онѣ и дѣлаютъ.

Слѣдующее происходитъ за сценой, въ терему Лаодаміи, и дѣлается извѣстнымъ зрителю позднѣе, черезъ очевидца — какъ это принято въ греческой трагедіи. Съ немногими наперсницами Лаодамія вошла въ заповѣдную комнату своего терема; здѣсь, въ крытой зеленью бесѣдкѣ, увѣнчанный плющомъ, стоитъ восковой кумиръ Протесилая, преобразованный въ Діониса. Флейты играютъ, кимвалы гудятъ; подъ звуки этой оглушительной музыки вдова-вакханка справляетъ свою мистическую свадьбу съ новымъ Діонисомъ—подобіе той, которую ежегодно справляла въ древнѣйшемъ аѳинскомъ святилищѣ на Лимнахъ супруга архонта-царя съ тѣмъ же Діонисомъ, въ память аѳинской царицы Аріадны...

Знала ла Лаодамія, что̀ она дѣлала, воздавая такія почести восковому кумиру? знала ли она о таинственной магической связи между восковымъ изображеніемъ и изображаемымъ? Страстные, восторженные призывы, обращенные къ бездушному подобію Протесилая, проникли къ нему самому; врата смерти сла-

бѣютъ передъ силою чаръ; царь подземныхъ отпускаетъ вызванную душу; Гермесъ провожаетъ ее обратно въ міръ живыхъ. Въ изступленіи діонисовой пляски Лаодамія упала, изнуренная, къ подножію своего кумира; внезапно предъ нею предсталъ самъ Протесилай, молодой и прекрасный, — какимъ онъ былъ, когда прощался съ нею, отправляясь въ роковой походъ. — Этотъ моментъ трагедіи изображенъ на знаменитомъ саркофагѣ, хранящемся въ церкви св. Клары въ Неаполѣ.

Ночь прошла; стало свѣтать. Къ терему Лаодаміи приближается служитель съ плодами для жертвоприношенія. Обыкновенно она бываетъ готова въ это время; теперь же все тихо, домъ молчитъ. Что бы это могло значить? Онъ смотритъ сквозь щель—и въ ужасѣ отшатывается. Такъ вотъ она значитъ, эта прославленная вѣрность его молодой госпожи! вотъ зачѣмъ она такъ упорно отказывается отъ новаго брака! А впрочемъ, развѣ не всѣ женщины таковы? Съ проклятіями по адресу слабаго пола идетъ онъ разсказать царю Акасту о своемъ открытіи.

Приходитъ, въ изступленіи гнѣва, Акастъ. Онъ хочетъ вломиться въ спальню дочери, захватить на мѣстѣ преступленія ея любовника — но, прежде чѣмъ онъ могъ исполнить свою угрозу, дверь сама отворяется, изъ терема выходитъ, вмѣсто незнакомаго прелюбодѣя, его зять, Протесилай. Гнѣвъ смѣняется ужасомъ, ужасъ—новымъ гнѣвомъ. Зачѣмъ онъ здѣсь? Зачѣмъ простираетъ изъ мрака преисподней свои ненасытныя руки на ту, которой мѣсто еще долго среди живыхъ? Начинается споръ— странный, тягостный споръ: о правахъ жизни и правахъ смерти, о любви, побѣждающей адъ, и объ убогихъ разсчетахъ земного благополучія. На этотъ разъ побѣждаетъ жизнь: является вторично Гермесъ и напоминаетъ Протесилаю, что дарованное ему время прошло, что преисподняя ждетъ своего жителя. Протесилай исчезаетъ; Акастъ входитъ въ покои своей дочери.

Онъ застаетъ ее въ забытьи, обнимающей кумиръ мнимаго Діониса. Теперь причина происшедшаго для Акаста очевидна: эти притворныя вакхическія таинства, которыя, якобы для очищенія, справляла его дочь — это были чары, преступныя, нечестивыя чары, направленныя къ разрушенію преграды между жизнью и смертью, къ распространенію власти смерти надъ міромъ живыхъ. И этотъ восковой кумиръ Протесилая—главное орудіе этихъ чаръ, главное звено между его домомъ и обителью мертвыхъ. Но онъ разрушитъ это звено, онъ вернетъ свою дочь тому міру, который имѣетъ всѣ права на нее. По его приказанію сооружаютъ костеръ; онъ хватаетъ кумиръ. Тщетно сопро-

тивляется Лаодамія, обвивъ руками единственный залогъ возвращенія своего мужа: „не выдамъ, хоть онъ и бездушенъ, моего друга!“ Его вырываютъ, съ нимъ—вѣнки и кимвалы и всѣ символы притворныхъ діонисій. Вотъ уже все охвачено пламенемъ; вторично смерть осѣняетъ Протесилая, и на этотъ разъ окончательно и безъ возврата. Да, Акастъ былъ правъ: восковой кумиръ былъ звеномъ между царствомъ смерти и его дочерью; теперь, охваченный смертью, онъ и ее увлекаетъ съ собою. Лаодамія, „еще украшенная символами вакхическихъ таинствъ“ [1]), бросается въ пламя, поглотившее ея друга; теперь они вновь соединились,—соединились навсегда.

VI.

Такова эта странная трагедія—одно изъ самыхъ безумныхъ твореній прихотливой музы Эврипида. Какъ видно съ перваго взгляда, поэтъ достигъ разнообразія и обилія дѣйствія тѣмъ, что соединилъ оба параллельныхъ мотива миѳа о Лаодаміи—исконный „мотивъ призрака“ и придуманный для его раціоналистическаго истолкованія „мотивъ статуи“. Отъ ихъ соединенія получился, путемъ своего рода творческаго синтеза, новый благодарный мотивъ—мотивъ чаръ. Магическое значеніе воскового изображенія извѣстно изъ символическихъ обрядовъ греческаго любовнаго колдовства: такъ, Симета топитъ въ огнѣ восковое подобіе своего невѣрнаго жениха, чтобы заставить его испытать муки любви. Фикція вышла очень убѣдительной и еще болѣе эффектной.

Эффектной, да; но для кого? Насколько мы можемъ судить, современники Эврипида отнеслись холодно къ этой его трагедіи съ ея смѣсью небывалаго эротизма и романтической эсхатологіи; по крайней мѣрѣ, Аристофанъ, столь усердно высмѣивавшій всѣ сколько-нибудь замѣчательныя драмы этого антипатичнаго ему поэта, совершенно обходитъ своимъ вниманіемъ его „Протесилая“. Повидимому, Эврипидъ, создавая его, опередилъ настроеніе своихъ соотечественниковъ на добрыя полтора столѣтія: когда наступила эпоха александрійскаго романтизма, тогда только народилась публика, способная понять и оцѣнить эту трагедію.

Зато этой публикѣ она пришлась по вкусу цѣликомъ, какова она была. Мы знаемъ, что александрійскіе поэты подвергли миѳы старинной родины новой переоцѣнкѣ и переработкѣ, всюду вы-

---

[1]) Эту черту сохранилъ Филостратъ въ своихъ „Портретахъ“, II, 9.

двигая или вводя тѣ элементы, которые мы нынѣ называемъ романтическими; Лаодамію они быстро пріобщили къ каталогу своихъ любимицъ, но, сколько ни перерабатывали ее, ничего существенно новаго къ ея Эврипидовской фабулѣ прибавить не могли. Мы судимъ объ этомъ не столько по оригинальной александрійской поэзіи—отъ нея намъ ничего сюда относящагося не сохранилось,— сколько по ея подражательницѣ, римской поэзіи перваго вѣка до Р. Х.

Начнемъ съ *Катулла*. Говоря объ услугѣ, оказанной ему другомъ, — этотъ другъ предложилъ ему свой домъ для свиданій съ Лезбіей, — онъ вспоминаетъ схожую сцену изъ миѳологіи, а именно тайныя свиданія, до брака, Лаодаміи съ Протесилаемъ (68, 73 и сл.):

Такъ въ отдаленные дни, нетерпѣніемъ страсти пылая,
Въ Протесилая чертогъ Лаодамія вошла
Тщетно основанный, прежде чѣмъ кровью священной своею
Жертва могла обагрить вышнихъ владыкъ алтари.
Да не полюбится мнѣ, Немезида, суровая дѣва,
Дѣло, что нашихъ господъ волѣ перечитъ святой!
Жаждетъ голодный алтарь благочестія дани кровавой!
Это признать и ее опытъ лихой научилъ.
Вырвалъ несчастную рокъ изъ объятій желаннаго мужа
Прежде, чѣмъ въ сладкой цѣпи идя, зима за зимой
Нѣгою долгихъ ночей утолила любовную жажду,
И одинокая жизнь стала возможна для ней.

Роль Лаодаміи здѣсь чисто эпизодическая, а это, въ свою очередь, исключаетъ всякую возможность новаторства въ области миѳа о ней; врядъ-ли можно сомнѣваться, что Катуллъ слѣдуетъ здѣсь своему образцу, александрійской поэзіи. Даетъ ли она что-либо новое въ сравненіи съ Эврипидомъ? Одну маленькую, но интересную подробность. Очевидно, и нашъ неизвѣстный авторъ представлялъ себѣ участь Лаодаміи какъ кару: кара предполагаетъ прегрѣшеніе, но противъ кого? Эврипидъ, поставившій себѣ тотъ же вопросъ, отвѣчалъ на него: противъ Афродиты; вотъ въ этомъ отношеніи нашъ поэтъ и разошелся съ нимъ... Позволю себѣ замѣтить—если бы кто нашелъ неяснымъ въ моемъ переводѣ отношеніе оборота: „прежде чѣмъ и т. д.“, — что я тутъ воспроизвожу намѣренную туманность самого подлинника: александрійскіе поэты, а съ ними и ихъ римскіе подражатели, требовали очень внимательнаго и вдумчиваго къ себѣ отношенія. Все же, при болѣе тщательномъ размышленіи, становится несомнѣннымъ, что поэтъ хотѣлъ сказать слѣдующее: вина Лаодаміи заключалась въ томъ, что она, не дожидаясь свадьбы съ

ея жертвоприношеніями, ускорила свое счастье тайными свиданіями съ Протесилаемъ въ его неоконченномъ домѣ. Этимъ она возбудила противъ себя гнѣвъ—не Афродиты, конечно, которую бракъ, какъ таковой, не интересовалъ, а строгой покровительницы этого учрежденія, Геры. Свадебныя жертвоприношенія имѣютъ цѣлью расположить эту богиню въ пользу брачущихся; въ нашемъ случаѣ Гера, почувствовавъ себя оскорбленной, отомстила Лаодаміи тѣмъ, что разорвала ея бракъ тотчасъ послѣ его заключенія и предоставила молодую жену всѣмъ пыткамъ возбужденной, но неутоленной страсти... Въ этомъ послѣднемъ заключается, къ слову сказать, характерная особенность Катулловой версіи; мы не называемъ ее, однако, новшествомъ, такъ какъ считаемъ очень вѣроятнымъ, что она имѣлась уже у Эврипида.

Но причемъ здѣсь „тщетно основанный“ (inceptam frustra) чертогъ Протесилая? Александрійскіе поэты любили намеки и писали для читателей, умѣющихъ ихъ понимать. Въ данномъ случаѣ намекъ обнаруживаетъ намъ и происхожденіе всей идеи оскорбленія Геры. Авторъ постарался вдуматься въ смыслъ Гомеровскихъ стиховъ о Протесилаѣ (выше, гл. III):

Тамъ онъ въ Филакѣ жену неутѣшной вдовою оставилъ
И полуконченный домъ...

Почему „полуконченный“ (hêmitelês)? Конечно, отвѣтимъ мы, не въ томъ смыслѣ, что самое зданіе не было достроено, а либо въ болѣе широкомъ (младожены не успѣли вполнѣ устроиться), либо въ символическомъ (домъ, какъ семья, завершается рожденіемъ дѣтей). Но мы знаемъ въ то же время, что древніе иногда—напр. Лукіанъ—понимали нашъ оборотъ именно въ его прямомъ смыслѣ; и вотъ рождался дальнѣйшій вопросъ: какимъ образомъ домъ Протесилая могъ оказаться недостроеннымъ? Невѣсту вводили, разумѣется, въ готовый домъ жениха; итакъ, мы въ данномъ случаѣ имѣемъ фактическое ускореніе или предвареніе свадьбы... Отсюда—дальнѣйшее.

Современникомъ Катулла былъ малоизвѣстный поэтъ *Левій*, отъ поэмъ котораго намъ сохранились только заглавія да отрывки; среди нихъ была также посвященная нашему сюжету баллада подъ вычурнымъ заглавіемъ „Протесилаодамія“. Это была, судя по отрывкамъ, настоящая баллада въ нашемъ смыслѣ слова, написанная короткими ямбическими стихами, точь-въ-точь какъ и сама „Ленора“ или „Людмила“; переводя ея отрывки, я только риѳму прибавилъ отъ себя. Лаодамія тоскуетъ по пропавшемъ безъ вѣсти супругѣ; что онъ умеръ, этого она не знаетъ, и въ

ея душѣ со страхомъ за жизнь милаго борются и другія заботы:

„Затмилъ, боюсь, въ краю богатомъ
Красавицъ Иліона рой,
Сверкая жемчугомъ и златомъ,
Подруги память дорогой;
Его плѣнила чужестранка—
О, еслибъ ложенъ былъ мой страхъ!—
Краса Востока, сардіянка
Съ лидійской нѣгою въ очахъ!“

Съ этимъ мотивомъ мы до сихъ поръ еще не встрѣчались— и не встрѣтимся даже въ подробной психологической картинѣ, которую начертало перо Овидія; какъ это ни странно, но римскій поэтъ предварилъ имъ мысль новѣйшей баллады, и даже не столько „Леноры“, сколько „Людмилы“, которая именно съ нея и начинается:

„Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Съ чужеземною красою,
Знать, въ далекой сторонѣ,
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ?“

Вѣроятно, и у Левіевой Лаодаміи ревнивыя опасенія уступили мѣсто болѣе реальному страху; мы этого не знаемъ. Какъ бы то ни было, но реальный страхъ оправдывается: получено извѣстіе о смерти Протесилая, и ея отецъ не намѣренъ долѣе ждать. Онъ пріискалъ для дочери новаго жениха; ея сопротивленія напрасны, справляется свадьба. Эта свадьба описывается подробно: тутъ и священнодѣйствія, и пиръ, и чествованіе боговъ, и веселіе смертныхъ:

И вдругъ смятенье, стукъ и грохотъ:
То ворвалась толпа шутовъ,
И льется пѣснь, и слышенъ хохотъ.
Шумитъ потокъ нескромныхъ словъ—

обычная приправа греческой и римской свадьбы, Fescennina jocatio. Наконецъ торжество кончилось, молодые уходятъ къ себѣ;

Вотъ надо всей землею сонной
Ужъ Ночь покровъ сомкнула свой,
И по природѣ утомленной
Разлился сладостный покой...

Чѣмъ-то зловѣщимъ вѣетъ отъ этой ночной тишины, смѣнившей шумный день; мы знаемъ этотъ мотивъ изъ „Леноры“:

До той поры, какъ ночь пришла,
И темный сводъ надъ нами
Усыпался звѣздами...

И вотъ какъ будто легкій скокъ
Коня въ тиши раздался...

Повидимому, и у римскаго поэта здѣсь слѣдовало появленіе призрака. Вопли уведенной насильно невѣсты достигли слуха ея любимаго, перваго мужа, нарушили его чуткій сонъ подъ покровомъ земли: онъ приходитъ къ ней—приходитъ за ней.

Вотъ какъ мы, руководясь отрывками и общими чертами фабулы, можемъ возстановить балладу Левія. Конечно, этихъ отрывковъ слишкомъ мало для того, чтобы мы могли ручаться за полноту нашей реконструкціи. О статуѣ Протесилая въ нихъ не упоминается вовсе; конечно, это могло быть дѣломъ случая, но, съ другой стороны, можно сослаться на то, что версія, очень схожая съ только-что возстановленной, предполагается въ краткомъ резюме́ Евстаѳія въ его комментаріи къ Иліадѣ (II, 315, 41 и сл.): „А другіе говорятъ, что Лаодамія, вслѣдствіе гнѣва Афродиты, и послѣ смерти Протесилая пылала любовью къ нему; по полученіи извѣстія о его гибели, она не только стала горевать о немъ, но и будучи заставляема отцомъ вступить во второй бракъ, не отказалась отъ своей любви; насильно заключенная, она все-таки проводила ночи съ мужемъ, предпочитая союзъ съ мертвымъ общенію съ живымъ, пока не умерла отъ тоски".

О популярности нашего миѳа въ александрійскую и римскую эпоху свидѣтельствуетъ и краткій намекъ у *Проперція* (I, 19); но такъ какъ онъ никакой новой черты не прибавляетъ къ тому, что̀ намъ уже извѣстно, то мы, не останавливаясь на немъ, прямо переходимъ къ тому поэту, отъ котораго намъ осталось единственное цѣльное произведеніе, посвященное сюжету античной Леноры—къ *Овидію*.

VII.

„Лаодамія" Овидія—не просто баллада: это баллада-посланіе. Она принадлежитъ къ циклу любовныхъ посланій миѳическихъ героинь, сохраненному намъ подъ двойнымъ заглавіемъ „epistulae" или „heroides", и занимаетъ въ немъ тринадцатое мѣсто. Общая всѣмъ поэмамъ этого цикла форма такова: героиня, по какой бы то ни было причинѣ разлученная со своимъ милымъ, пишетъ ему письмо. Понятно, что самый фактъ такого письма былъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ вымысломъ самого поэта; а потому и выборъ момента для него всецѣло зависѣлъ отъ него. Онъ выбиралъ его съ такимъ разсчетомъ, чтобы ему можно было ввести въ сочиняемое письмо какъ можно болѣе эффектнаго балладическаго матеріала; но иногда при этомъ встрѣчались особаго рода трудности, и между прочимъ въ нашемъ случаѣ. Соб-

ственно балладическій характеръ участь Лаодаміи принимаетъ лишь послѣ полученія извѣстія о смерти Протесилая; но именно тогда не было уже никакого основанія написать ему письмо. Онъ долженъ былъ, поэтому, избрать болѣе ранній моментъ; а если такъ, то трагедія Лаодаміи могла быть затронута лишь въ формѣ невольныхъ намековъ или предчувствій. Разумѣется, поэзія отъ этого ничуть не потеряла — совершенно напротивъ; исполненная зловѣщихъ чаяній, „Лаодамія“ принадлежитъ къ лучшимъ поэмамъ всего цикла „Героинь“.

Попытаемся, прежде всего, возстановить эпическую фабулу, предполагаемую нашимъ поэтомъ: зная объ его стремленьи съ возможной полнотой исчерпать эпическій матеріалъ, мы будемъ имѣть полное право исключить изъ этой фабулы все то, на что̀ въ нашей балладѣ не встрѣтится никакого намека. А потому мы заключаемъ: ничего такого, что̀ могло бы вызвать гнѣвъ боговъ, въ Овидіевой „Лаодаміи“ не предполагается: ни упущеннаго жертвоприношенія, ни предваренной свадьбы въ полуготовомъ домѣ. Лаодамія вышла за Протесилая по всѣмъ правиламъ греческой обрядности; она живетъ царицей въ его домѣ — теперь, въ его отсутствіе, подъ властью его стараго отца, а своего свекра Ификла, въ ближайшемъ общеніи со своимъ отцомъ Акастомъ и своей матерью и почетно навѣщаемая женами филакійскихъ вельможъ. Правда, ея медовый мѣсяцъ съ молодымъ мужемъ былъ прерванъ въ самомъ началѣ: этотъ Эврипидовскій мотивъ мы должны предположить и у Овидія, хотя опредѣленнаго указанія на это нѣтъ. Этимъ объясняется та своеобразная чувственность, которою баллада проникнута; такъ и видно, что брачная жизнь еще не успѣла, говоря словами Катулла, —

Нѣгою долгихъ ночей утолить ея жажды любовной.

Она еще молода: этимъ объясняется наивность совѣтовъ, которые она даетъ своему мужу, наивность, усугубляемую въ нашемъ случаѣ контрастомъ. Вѣдь тотъ человѣкъ, которому она такъ настоятельно совѣтуетъ всячески беречь свою жизнь и видѣть свою единственную цѣль въ томъ, чтобы, уйдя отъ смерти, какъ можно скорѣе вернуться въ ея объятія—его знало преданіе какъ самаго храбраго и самоотверженнаго въ ахейскомъ войскѣ, какъ того, который не задумался идти на встрѣчу вѣрной смерти, чтобы, принеся себя въ жертву, обезпечить своей родинѣ успѣхъ на войнѣ.

Итакъ, Протесилай уплылъ отъ своей молодой жены послѣ первыхъ же дней ихъ брачной жизни; по уговору, онъ соединилъ свои силы съ прочимъ греческимъ флотомъ въ беотійской гавани

Авлидѣ, и здѣсь его съ прочими задержали неблагопріятные вѣтры. Объ этой задержкѣ узнала Лаодамія; и вотъ она пишетъ ему туда же, въ Авлиду. Это — избранный поэтомъ моментъ; все дальнѣйшее могло быть сообщено лишь въ видѣ чаяній и вѣщаній.

Протесилаю суждено погибнуть; въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. Уже при его уходѣ изъ дому произошла пустая, но зловѣщая случайность: переступая черезъ порогъ, онъ задѣлъ его ногой. Лаодамія замѣтила это тревожное знаменье и поспѣшила, въ тихой молитвѣ, дать ему хорошее толкованіе. Но ея душа неспокойна, и она все-таки рѣшается написать мужу объ этой нехорошей примѣтѣ, чтобы онъ былъ остороженъ въ бою. Но это не все. Ее безпокоятъ сновидѣнія: она видитъ своего мужа по ночамъ съ грустнымъ выраженіемъ лица и слышитъ отъ него, вмѣсто ожидаемыхъ нѣжностей, однѣ только печальныя, зловѣщія слова. Да, онъ, несомнѣнно, погибнетъ, и мы знаемъ даже, какъ онъ погибнетъ: онъ будетъ убитъ, первымъ спрыгнувъ на троянскій берегъ. Вѣщаніе о томъ, что первый гость вражьей земли будетъ первой жертвой войны, уже распространилось въ греческомъ войскѣ; оно дошло и до Лаодаміи, и ей страшно, какъ бы оно не сбылось на ея мужѣ: съ наивной настойчивостью проситъ она его не гоняться за призракомъ пустой славы. Мы знаемъ также, отъ кого онъ погибнетъ: имя Гектора запало въ сердце его жены и наполняетъ ее безотчетнымъ страхомъ. Какъ она узнала о немъ? Это вполнѣ естественно: похищеніе Елены, ближайшій поводъ войны, было темой повсемѣстныхъ разговоровъ, всѣ интересовались личностью искусителя и его рѣчами; такъ и Лаодаміи было извѣстно, что онъ, въ виду предстоящей войны, особенно разсчитывалъ на помощь своего доблестнаго брата, перваго изъ троянскихъ богатырей.

Итакъ, Протесилаю суждено пасть отъ руки Гектора въ первой же схваткѣ на троянскомъ побережьи; какова же будетъ участь Лаодаміи? Какому мотиву отдастъ Овидій предпочтеніе— „мотиву статуи“ или „мотиву призрака“? Или, быть можетъ, онъ, подобно Эврипиду, комбинируетъ оба? — Несомнѣнно послѣднее; въ этомъ насъ убѣждаетъ конецъ посланія. Лаодамія говоритъ о восковомъ изображеніи, замѣняющемъ ей Протесилая; она описываетъ его въ странныхъ, загадочныхъ выраженіяхъ; видно, что душа обреченнаго уже наполовину переселилась въ его изваяніе. Правда, въ одномъ онъ расходится съ Эврипидомъ: у того Лаодамія велитъ изготовить себѣ изображеніе мужа уже послѣ того, какъ она узнала о ёго смерти. Но это уклоненіе было необходимо, если вообще Овидій дорожилъ этой чертой и

хотѣлъ упомянуть о ней. А съ другой стороны и „мотивъ призрака“ затронутъ въ послѣднихъ стихахъ, въ торжественномъ обѣтѣ молодой жены „послѣдовать спутницей за мужемъ, куда бы онъ ее ни позвалъ, случится ли то, чего она, увы, боится, или же онъ останется невредимъ“. Очевидно, сбудется первое: убитый, онъ придетъ за нею, и она вмѣстѣ съ нимъ покинетъ этотъ міръ. О возможности новой свадьбы не упоминается вовсе, изъ чего можно заключить, что источникъ Овидія ея не зналъ; повидимому, этимъ источникомъ былъ александрійскій поэтъ, который, слѣдуя вообще Эврипиду, упростилъ его фабулу, пожертвовавъ нѣкоторыми ея чертами.

Такова эпическая канва Овидіевой баллады; но читателя интересуетъ не столько она, сколько лирическіе узоры, которыми поэтъ ее разукрасилъ. Въ нихъ онъ и здѣсь проявилъ свое обычное мастерство. Передъ нами совершенно опредѣленный женскій типъ, отличный отъ другихъ, соединенныя характеристики которыхъ составляютъ нашъ сборникъ. Его формула можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ: это—влюбленная молодая жена, счастье которой было прервано въ самомъ началѣ. Всѣ ея мечты направлены къ его возстановленію, всѣ ея чувства — волнующееся море между послѣднимъ поцѣлуемъ разлуки и первымъ поцѣлуемъ свиданія. Интересно прослѣдить, какъ во всѣ ея мысли вплетается алой лентой это представленіе любовной ласки. Она слышитъ о задержкѣ флота въ Авлидѣ — ей досадно, что даромъ пропадаютъ дни, отнятые у ея поцѣлуевъ; она завидуетъ троянкамъ, что онѣ, снаряжая мужей въ бой, будутъ и провожать, и встрѣчать ихъ лобзаніями; она со жгучей страстностью представляетъ себѣ сцену возвращенія своего мужа и заранѣе вкушаетъ тѣ ласки, которыми она намѣрена прерывать его разсказы о своихъ подвигахъ. Эти подвиги для нея ничуть не интересны,—она желаетъ, чтобы ихъ было меньше. Изъ всѣхъ ахейцевъ подъ Иліономъ только Менелай имѣетъ основаніе быть храбрымъ, такъ какъ только его въ осажденномъ городѣ ждетъ ласка уведенной жены. У другихъ нѣтъ повода совершать отважные подвиги, и менѣе всего у Протесилая. Ей больно при одной мысли, что любимый ею человѣкъ терпитъ невзгоды отъ жесткаго шлема или брони; совершенно отожествляя себя съ нимъ, она хочетъ по мѣрѣ возможности раздѣлить эти невзгоды. Представленіе же, что онъ можетъ получить рану, для нея прямо невыносимо: она чувствуетъ, въ силу того же отожествленія, что изъ этой его раны ея собственная кровь брызнетъ навстрѣчу обидчику.

Но эти цвѣты любовнаго счастья преждевременно поблекли и завяли; до нихъ заранѣе дотронулась холодная рука смерти, и мы вездѣ чувствуемъ ея леденящее прикосновеніе. Я уже говорилъ о тѣхъ предчувствіяхъ, которыми наполнена наша баллада; но я указалъ только на объективныя между ними, а между тѣмъ Лаодамія сама, точно влекомая роковой силой, ихъ увеличиваетъ своей неосторожностью. Тогда, когда съ ея мужемъ при его уходѣ случилось то маленькое несчастье, она хотѣла отозвать его, но во-время удержалась, зная, что отзываніе уходящаго какъ бы заранѣе обрекаетъ его путь на неудачу; и все-таки она, увлекаясь своими страхами вслѣдствіе задержки въ Авлидѣ, настоятельно проситъ мужа вернуться домой и слишкомъ поздно замѣчаетъ, что этимъ страстнымъ отзываніемъ она увеличиваетъ число дурныхъ примѣтъ. Любовь Менелая къ женѣ она съ его точки зрѣнія одобряетъ, но со своей—осуждаетъ: ей страшно при мысли объ ея послѣдствіяхъ; страхъ и здѣсь увлекаетъ ее, и она заранѣе скорбитъ о тѣхъ многихъ вдовахъ, которымъ придется оплакать его месть,—забывая, что говорить заранѣе объ этомъ вдовствѣ значитъ способствовать его осуществленію, и что вызванная ею злая сила скорѣе всего можетъ осуществить его на ней самой. Въ обоихъ случаяхъ она спохватывается—и этимъ лишь усиливаетъ тяжелое впечатлѣніе, производимое ея увлеченіемъ.

Таковы спеціальныя черты Овидіевой Лаодаміи; не останавливаясь на общихъ, свойственныхъ всему поэтическому стилю Овидія, позволю себѣ предложить читателю русскій переводъ его баллады—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяю это, единственной дошедшей до насъ въ цѣльности поэтической обработки „античной Леноры“.

VIII.

Протесилаю привѣтъ шлетъ за море Лаодамія,
    Сыну Ѳессаліи—дочь, милому мужу—жена.
Вѣтромъ лихимъ, говорятъ, ты задержанъ, въ Авлидѣ туманной;
    Ахъ, какъ меня ты бросалъ, гдѣ былъ тотъ вѣтеръ лихой?
Вотъ бы когда разыграться вѣтровъ непокорныхъ потѣхѣ,
    Вотъ бы когда бурунамъ веселъ осилить напоръ!
Больше бъ тебѣ поцѣлуевъ, завѣтовъ дала я прощальныхъ...
    Сколько тебѣ досказать я не успѣла тогда.

Разомъ не стало тебя, и умчалъ тебя вѣтеръ попутный,
    Столь же желанный пловцамъ, сколь роковой для меня.
Во-время имъ онъ подулъ, но не во-время сердцу влюбленной;
    Вмигъ изъ объятій моихъ мой былъ исторгнутъ супругъ.

Полныя ласки уста обрываютъ напутствія слово
И успѣваютъ едва грустнымъ закончить „прости!".
Пуще свѣжѣетъ Борей, надувается вдаль устремленный
Парусъ... ахъ, какъ ужъ далекъ Протесилай отъ меня!
Все я, покуда могла, на тебя наглядѣться старалась,
Спутникомъ взоръ мой твоихъ былъ неотступнымъ очей.
Вскорѣ исчезъ ты, вдали только парусъ бѣлѣлъ одинокій—
О, мой тоскующій взглядъ долго приковывалъ онъ.
Но когда скрылся въ туманѣ и ты, и твой парусъ летучій,
И ужъ пустыни ничто не оживляло морской,
Скрылся и свѣтъ для меня; окруженная мракомъ внезапнымъ,
Чувствъ я лишилась и ницъ скошенной пала лозой,
И лишь съ трудомъ меня свекоръ Ификлъ и Акастъ престарѣлый
И горемычная мать жизни могли возвратить.

О, они любятъ меня, но напрасенъ былъ трудъ ихъ усердный;
Жаль мнѣ, что въ горѣ такомъ я умереть не могла.
Чувства вернулись, но съ ними и жгучая мука вернулась,
Въ преданномъ сердцѣ я все горе познала любви.
Ужъ неохота мнѣ косу рабынѣ ввѣрять хлопотливой,
Ужъ неохота носить золотомъ шитую ткань.
Точно вакханка, копьемъ пораженная бога зеленымъ,
Взадъ и впередъ я, куда гонитъ безумье, несусь.
Тщетно съ укоромъ ко мнѣ филакійскія жены приходятъ.
„Сану приличный нарядъ, Лаодамія, надѣнь!"
Мнѣ ли багровыя ткани носить, когда тамъ, подъ стѣнами
Трои, быть можетъ, его кровію плащъ обагренъ?
Мнѣ ли уборы, когда мѣдь шлема чело ему ранитъ?
Мнѣ ли обновы, когда грудь его давитъ броня?
Пусть я хоть этимъ, о мужъ мой, участвую въ вашихъ невзгодахъ,
Пусть я хоть скорбью своей время отмѣчу войны.

Сынъ недостойный Пріама, на горе отчизнѣ прекрасный,
Будь твоя храбрость въ бою вѣрности гостя чета!
Ахъ, и зачѣмъ тебѣ розы спартанки-красы полюбились?
Ликъ твой цвѣтущій зачѣмъ сердце спартанки плѣнилъ?
Ты жъ, Менелай, что такъ нѣжно о бѣглой супругѣ радѣешь—
Сколько заставишь ты вдовъ плакать о мести твоей!..
Что я?... молю, отвратите несчастное знаменье, боги!
Дайте, чтобъ Зевсу Побѣдъ мужъ мой доспѣхи принесъ!

Ахъ, мнѣ такъ страшно, какъ вспомню про этотъ походъ безотрадный;
Слезы, что тающій снѣгъ, такъ и текутъ изъ очей.
Ксанѳъ—Симоэнтъ—Тенедосъ—Иліонъ—эта дикая Ида—
Звукъ ихъ именъ ужъ однихъ страхомъ мнѣ сердце щемитъ.
И не спроста онъ Елену увезъ. Разсчитавъ свои силы,
Зналъ ужъ злодѣй, что ее онъ безъ труда отстоитъ.
Златомъ обильнымъ сіяя, предсталъ передъ ней искуситель,—
Славу фригійскихъ богатствъ пышный нарядъ подтвердилъ—
И кораблями, и ратью могучій, успѣха залогомъ;
А вѣдь лишь малую часть силъ своихъ взялъ онъ съ собой.

Этимъ себѣ подчинилъ онъ и Ледяной дочери волю;
Этимъ онъ можетъ и вамъ тяжкій уронъ нанести.
Есть тамъ и Гекторъ какой-то; его я боюсь. Безпощадна,
Хвасталъ предатель, его въ сѣчѣ кровавой рука.
Къ Гектору этому ты—ужъ запомни, молю тебя, имя—
Не приближайся въ бою, если мила тебѣ я.
Гектора пылъ миновавъ, и съ другими ты будь остороженъ:
Мало ли городъ троянъ Гекторовъ можетъ таить?
И говори про себя передъ каждой ты битвы началомъ:
„Жизнь мнѣ велѣла беречь Лаодамія мою“.
Если ужъ пасть суждено Иліону отъ рати аргосской,
То и безъ раны твоей гибель свершится его.
Пусть Менелай на враговъ устремляется съ бурной отвагой,
Онъ, что изъ города нѣдръ долженъ супругу добыть.
Поводъ иной у тебя; твоя цѣль—уберечься отъ смерти
И возвратиться скорѣй въ вѣрной объятья любви.
Васъ я молю, Дарданиды: его одного пощадите!
Изъ его раны моя брызнетъ навстрѣчу вамъ кровь.
Не для того онъ рожденъ, чтобъ мечомъ поражать обнаженнымъ,
Иль чтобъ удары враговъ грудью отважной встрѣчать;
Съ большимъ гораздо онъ пыломъ способенъ любить, чѣмъ сражаться.
Битвы другимъ суждены; Протесилаю—любовь.

Нынѣ признаюсь тебѣ: я хотѣла назадъ тебя кликнуть—
Знаменья лютаго страхъ заворожилъ мнѣ уста.
Помнишь,—когда выходилъ изъ дверей ты, въ походъ снаряжаясь,
Какъ невзначай ты порогъ, переступая, задѣлъ?
Стонъ издала я, увидѣвъ, и въ тихой молитвѣ шепнула:
„Пусть возвращенье его эта примѣта сулитъ!“
Въ этомъ тебѣ признаюсь, чтобъ не слишкомъ ты бодро сражался;
Пусть опасенья мои вѣтеръ развѣетъ скорѣй!
Есть, говорятъ, и вѣщанье: „Кто первый изъ рати данайской
Вражьей коснется земли, жертвой тотъ рока падетъ“.
О, ты, бѣдняжка, что первой погибшаго мужа оплачешь!
Ты лишь, мой другъ, не плѣнись славою рвенья пустой.
Нѣтъ, если тысяча всѣхъ, пусть твое будетъ тысячнымъ судно.
Пусть утомленныхъ ужъ волнъ силу смиряетъ оно.
Помни еще: изъ него выходи ты послѣднимъ на берегъ.
Да и къ чему такъ спѣшить? Ждетъ не родной тебя край.
Вотъ какъ домой поплывешь—торопи и весломъ, и вѣтриломъ
Судно и рѣзвой стопой первымъ съ него соскочи!

Скрылся ли Фебъ за горой, съ высоты ль озаряетъ онъ землю—
Ты мнѣ и ночью глухой, ты мнѣ зазноба и днемъ...
Ночію болѣ, чѣмъ днемъ. Какъ сладко текутъ для влюбленной
Ночи часы, коей станъ друга обвила рука!
Я жъ на холодное ложе обманчивый сонъ призываю;
Нѣтъ на яву мнѣ утѣхъ; тѣшусь хоть грезой пустой.
Только зачѣмъ ты, мой другъ, такимъ блѣднымъ являешься милой?
Ахъ, и зачѣмъ твоя рѣчь дышетъ печалью такой?

Я просыпаюсь въ испугѣ, молюсь привидѣніямъ ночи,
    Всѣхъ ѳессалійскихъ боговъ ладаномъ чту алтари.
Ладанъ дымится, и слезы текутъ, и отъ влаги горючей
    Свѣтится какъ отъ вина вспышкой внезапной огонь...

Скоро ль прижмусь я къ тебѣ? Безконечно—пока сама радость
    Сладкой истомой любви узъ не развяжетъ моихъ?
Скоро ль въ объятіяхъ друга, покоясь на ложѣ веселомъ,
    Повѣсти буду внимать подвиговъ бранныхъ его?
Чудная будетъ то повѣсть!.. а все же пріятно намъ будетъ
    И поцѣлуемъ прервать воспоминаній потокъ;
Это законный отдѣловъ конецъ, и живѣе польется,
    Послѣ задержки такой, рѣчь о троянскихъ бояхъ...

Троя! Лишь вспомню о ней, мнѣ чудятся бури и волны,
    Гаснетъ въ туманѣ заботъ свѣточъ надежды моей.
Что̀ бъ это значить могло, что вѣтрами походъ вашъ задержанъ?
    О, я боюсь, что ему сила противится водъ.
Даже домой противъ воли вѣтровъ не рѣшаемся плыть мы;
    Вы жъ противъ воли вѣтровъ изъ дому плыть собрались!
Са̀мъ Посидонъ преграждаетъ вамъ путь въ свой излюбленный городъ;
    Что же васъ гонитъ? Домой каждый вернитесь скорѣй!
Что̀ же васъ гонитъ, данайцы? Вѣтровъ повинуйтесь запрету!
    Это не прихоть судьбы—гнѣвъ это бога на васъ.
Ради блудницы презрѣнной походъ вы такой снарядили!
    Есть еще время: назадъ бѣгъ поверните, ладьи!..
Что̀ я? Назадъ васъ зову? Отвратите вы знаменье, боги!
    Пусть ихъ по ровнымъ волнамъ ласковый вѣтеръ несетъ!

Счастливъ троянокъ удѣлъ. И своихъ многослезная гибель
    Будетъ у нихъ на глазахъ, будетъ и врагъ недалекъ.
Тамъ на супруга лихого своею рукой молодая
    Латы надѣнетъ, чело шлемомъ покроетъ его...
Латы надѣнетъ, свой трудъ облегчая лобзаніемъ нѣжнымъ;
    Будетъ и ей, и ему служба такая сладка.
Въ бой провожая супруга, совѣтъ ему дастъ на прощанье:
    „Помни доспѣхи свои Зевсу родному вернуть!“
Онъ же, въ душѣ затаивъ своей милой прощальное слово,
    Будетъ сражаться умно съ мыслью о домѣ своемъ.
Та, по возвратѣ героя, и шлемъ съ него сниметъ, и латы...
    Бѣлою грудью своей сниметъ усталость съ него...
Да, ея сладокъ удѣлъ. А насъ неизвѣстность замучитъ,
    Всякой возможной бѣдѣ вѣрить заставитъ насъ страхъ.

Все же пока на чужбинѣ ты въ бранной работѣ томишься,
    Образъ изъ воска твои мнѣ сохраняетъ черты.
Онъ моей ласки предметъ: онъ къ тебѣ обращенныя рѣчи
    Слышитъ, объятья мои онъ получаетъ пока.
Вѣрь, не простой это воскъ. Въ немъ я тайную чувствую силу:
    Даръ бы былъ слова—нашла бъ Протесилая я въ немъ.
Все на него я смотрю: точно къ мужу къ нему прислоняюсь;
    Плачусь ему, точно рѣчь онъ понимаетъ мою...

Я же возвратомъ твоимъ и священною жизнью клянуся,
Пламенемъ общимъ сердецъ, брачныхъ святыней огней,
Друга главой, что сѣдою я нѣкогда видѣть желаю,
Друга главой, что обнять я съ нетерпѣніемъ жду—
Всюду, куда бъ ни позвалъ ты, на томъ ли, на этомъ ли свѣтѣ,
Я за тобой, мой супругъ, спутницей вѣрной пойду...
Нынѣ же краткимъ завѣтомъ свое я закончу посланье:
Если меня ты сберечь хочешь, себя береги!

IX.

Память о Протесилаѣ и Лаодаміи хранилась не только въ литературѣ: она была связана и съ культами, которые правились въ честь перваго изъ нихъ, какъ „героя" въ сакральномъ значеніи слова. Культъ героевъ, представляющій столько сходства съ культомъ святыхъ въ христіанской церкви, получилъ особое развитіе, благодаря религіи дельфійскаго Аполлона; благодаря ей вся Греція покрылась могилами героевъ, чествованіе которыхъ было религіознымъ долгомъ соотвѣтственныхъ общинъ; возникли и преданія о явленіи людямъ героевъ и совершаемыхъ ими чудесахъ. Ихъ представляли себѣ исполинскаго роста — десяти локтей и болѣе — и столь же сверхчеловѣческой красоты; они карали тѣхъ, кто имъ отказывалъ въ уваженіи, но и помогали вѣрующимъ, даруя имъ исцѣленія отъ болѣзней и вѣщанія объ ожидающей ихъ въ будущемъ судьбѣ.

Всѣ славные участники троянской войны имѣли свои культы, какъ герои, въ различныхъ частяхъ греческаго міра; имѣлъ таковой и Протесилай. Онъ имѣлъ даже два: одинъ на своей родинѣ, въ ѳессалійской Филакѣ, другой—въ ѳракійскомъ городѣ Элеунтѣ на Геллеспонтѣ, противъ троянскаго побережья. О первомъ упоминаетъ Пиндаръ: тамъ въ честь героя происходили конныя ристанія съ призами для побѣдителей. Въ Элеунтѣ находилась его могила, окруженная вязами; объ этихъ вязахъ ходило преданіе, что тѣ ихъ вѣтви, которыя были обращены къ Троѣ, рано теряли свои листья,—символъ безвременной смерти героя. Тамъ же находился и его храмъ съ прорицалищемъ, настолько богатый, что онъ соблазнилъ персидскаго намѣстника во время ухода персидскихъ войскъ послѣ платейскаго пораженія и былъ имъ разграбленъ. Это разсказываетъ Геродотъ; но еще болѣе, чѣмъ шесть вѣковъ спустя, поздній греческій писатель Филостратъ подробно говоритъ объ элеунтскомъ культѣ Протесилая въ своемъ діалогѣ подъ заглавіемъ „Heroicus". Одинъ финикіянинъ, высадившись въ Элеунтѣ, вступаетъ въ разговоръ

съ тамошнимъ виноградаремъ; послѣднiй пользуется особымъ покровительствомъ героя Протесилая—„того ѳессалiйскаго", какъ онъ поясняетъ, „мужа Лаодамiи,—это обозначенiе онъ особенно любитъ". Обо многомъ разспрашиваетъ его финикiянинъ, касающемся чудесной посмертной жизни его покровителя,—и мы съ удовольствiемъ читаемъ эту интересную религiозную идиллiю, напоминающую помпеянскiе ландшафты, въ которыхъ прислоненный къ дереву тирсъ и привѣшенный кимвалъ напоминаютъ о присутствiи божества въ охраняемой имъ природѣ; съ тѣмъ большимъ интересомъ читаемъ мы ее, что она написана уже въ эпоху борьбы язычества съ христiанствомъ, и то одухотворенiе и обоготворенiе прекрасной природы, которымъ она дышитъ, уже запечатлѣно печатью смерти. И вотъ, между прочимъ, гость виноградаря спрашиваетъ его о любви его героя къ Лаодамiи: какова она теперь? „Онъ любитъ ее, чужестранецъ,—отвѣчаетъ виноградарь, — и ею любимъ, и они живутъ другъ съ другомъ, какъ самые нѣжные молодые супруги".

Это—послѣднее, что мы слышимъ изъ древности о Протесилаѣ и Лаодамiи и объ ихъ любви, поборовшей смерть.

Ѳ. Зѣлинскiй.